

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Тагаева Нафиса

Аннотация. Предметом исследования является словообразовательная система русского и узбекского языков, рассматриваемая в сопоставительно-типологическом аспекте с учётом лингводидактической проекции на практику преподавания русского языка узбекоязычной аудитории. Научная проблема заключается в системном объяснении расхождений между флективно-синтетическим и агглютинативным типами словообразования и в выявлении их методических следствий. Цель работы – установить структурные и семантические соответствия и несоответствия между способами русской и узбекской деривации и обосновать принципы отбора учебного материала при обучении русскому словообразованию узбекоязычных студентов. Анализ проведён на материале продуктивных словообразовательных типов обоих языков с использованием сопоставительного, описательного и словообразовательного методов. Установлено, что ключевые зоны расхождения – префиксальная деривация, полисемия суффиксов, структура сложных слов и категория каузатива – системно обусловлены различием морфологических типов языков, тогда как отдельные участки (соотношение -ость / -lik) демонстрируют частичный изоморфизм. Результаты могут быть использованы в сопоставительной грамматике, переводоведении и при разработке методики преподавания русского языка как неродного.

Ключевые слова: словообразование; сопоставительное языкознание; русский язык; узбекский язык; агглютинация; аффиксация; словообразовательный тип; префиксация; суффиксация; каузатив; лингводидактика; интерференция.

Сопоставительное изучение словообразовательных систем русского и узбекского языков представляет собой одну из наиболее содержательных областей современной контрастивной лингвистики, поскольку затрагивает языки, принципиально различные по своему морфологическому строю: русский относится к флективно-синтетическому типу, узбекский – к агглютинативному. Различие морфологических типов проявляется на уровне словообразования особенно наглядно, так как именно способы образования производных слов отражают фундаментальные механизмы соединения морфем, характерные для языка в целом. Общетеоретическую базу подобных исследований заложила В.Н. Ярцева, обосновавшая принципы контрастивной грамматики как

самостоятельного направления сопоставительного языкознания [10]; применительно к русско-тюркскому материалу эти принципы были развиты Э.М. Ахунзяновым, показавшим, что структурные расхождения между русским и тюркскими языками системно проявляются именно в морфологии [2]. Настоящее исследование продолжает эту традицию на материале русского и узбекского словообразования, рассматривая его одновременно в теоретическом и лингводидактическом аспектах, поскольку практика преподавания русского языка узбекоязычной аудитории делает подобное сопоставление не только академически значимым, но и практически востребованным.

Под словообразованием понимается раздел языкознания, изучающий способы создания новых лексических единиц на базе уже существующих в языке корневых и производных основ. Для русского языка теоретические основания анализа опираются на концепцию словообразовательного типа, разработанную Е.А. Земской: производные слова объединяются в один тип при общности части речи производящего слова, общности словообразовательного значения и общности форманта [4]. Существенным для настоящего анализа является введённое Земской различие статического и динамического аспектов словообразования – рассмотрение как готовых дериватов, так и самого процесса их порождения [3]. Для русского языка также сохраняет значение классификация способов словообразования, предложенная Н.М. Шанским, которая разграничивает морфологические способы (суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, постфиксация, сложение, аббревиация) и неморфологические (переход слова из одной части речи в другую, лексико-семантическое и лексико-синтаксическое словообразование) [9]. Для узбекского языка системное описание словообразовательной морфологии дано в грамматике А.Н. Кононова, где словообразование рассматривается в неразрывной связи с агглютинативным строем языка в целом [7]. Собственно сопоставительный материал по русской и узбекской словообразовательной морфологии содержится в трудах А.А. Азизова [1], Е.Д. Поливанова [8] и И.А. Киссена [6], заложивших традицию систематического двуязычного сравнения грамматического строя этих языков.

Материалом для сопоставления послужили продуктивные словообразовательные типы обоих языков, извлечённые из нормативных грамматических описаний и иллюстрируемые авторскими примерами, построенными по действующим в языке моделям. Анализ проводился в несколько последовательных этапов: сначала для каждого языка отдельно устанавливался инвентарь способов словообразования и их продуктивность, затем однотипные по семантике словообразовательные значения (агентивность, абстрактное качество, каузация, пространственная модификация действия)

сопоставлялись межъязыково с применением компонентного метода – путём разложения значения форманта на элементарные семантические компоненты и сравнения их набора в русском и узбекском аффиксе. Такой порядок анализа – от внутриязыкового описания к межъязыковому сопоставлению компонентного состава значения – соответствует общей процедуре контрастивного исследования, обоснованной в работах по контрастивной грамматике [2, 10], и позволяет избежать поверхностного сравнения «по переводу», при котором структурные различия словообразовательных механизмов остаются незамеченными.

Базовое типологическое различие состоит в самом характере присоединения аффиксов к основе. В узбекском языке действует агглютинативный принцип: аффиксы присоединяются к неизменяемой основе последовательно, каждый аффикс выражает, как правило, одно словообразовательное или грамматическое значение, а границы между морфемами остаются прозрачными и легко вычленимыми. Так, от основы *ish* («работа») с помощью глаголообразующего аффикса *-la* образуется глагол *ishla-* («работать»); аналогично от *gul* («цветок») образуется *gulla-* («цвести»). Русский язык демонстрирует принципиально иной механизм: словообразовательный акт часто сопровождается чередованием фонем в основе, наложением морфов на морфемном шве и использованием интерфиксов, не несущих самостоятельного значения. Ср. образование глагола записать от корня *-пис-*, где производящая и производная основы связаны не только присоединением форманта, но и внутренними фонетическими преобразованиями. Данное различие – не частный факт, а системное следствие принадлежности языков к разным морфологическим типам: агглютинация предполагает механическое присоединение однозначных морфем, тогда как флективно-синтетический строй русского языка допускает кумуляцию нескольких значений в одном форманте и фонетическую вариативность морфа.

Наиболее ярко типологическая асимметрия проявляется в сфере префиксального словообразования. Русский глагол характеризуется исключительно развитой системой приставок, регулярно модифицирующих значение производящего глагола в направлении пространственной ориентации действия, его результативности, кратности, степени полноты: *писать* → *переписать*, *дописать*, *записать*, *выписать*, *подписать*, *списать*. Каждая приставка вносит собственное словообразовательное значение, а сама категория вида во многом опирается именно на приставочную деривацию. В узбекском языке подобная модель словообразования у исконной лексики практически отсутствует: собственно узбекских префиксальных морфем не существует, а сходные по функции значения – направленность, завершённость, интенсивность действия – передаются аналитически, при помощи составных глаголов, образуемых сочетанием деепричастной формы смыслового глагола со вспомогательным:

yoziб chiqmoq («дописать», буквально «написав, выйти»), yoziб qo'ymoq («записать про запас», буквально «написав, положить»), yoziб bermoq («написать для кого-либо», буквально «написав, дать»). Отсутствие префиксации как продуктивного словообразовательного механизма в узбекском языке представляет собой типологическую лакуну по отношению к русской системе и служит объяснением того, что, по данным диссертационного исследования А.А. Исаковой, именно морфемно-структурные ошибки, связанные с членением и интерпретацией приставочных глаголов, оказываются одними из наиболее устойчивых в русской речи студентов-узбеков [5]. Причина заключается не в недостаточном усвоении отдельных приставок, а в отсутствии у обучаемых самой операциональной модели префиксальной деривации в родном языке, что исключает возможность положительного переноса и требует специальной, независимой от узбекского материала методики предъявления.

Сделанное выше утверждение об отсутствии префиксации в узбекском языке нуждается в уточнении: в узбекской именной лексике встречаются единичные препозитивные морфемы персидско-арабского происхождения – be- (bezavq «безвкусный», beodob «невоспитанный»), no- (noqulay «неудобный»), ser- (serhosil «плодородный, урожайный»), – заимствованные вместе с производящими основами и не образующие в узбекском языке регулярной, открытой словообразовательной модели. В отличие от русских приставок, свободно присоединяемых к любому глаголу или прилагательному соответствующего семантического класса, подобные морфемы закреплены за ограниченным, практически неразложимым списком лексем и потому в узбекской грамматике описываются, скорее, как связанные корневые элементы заимствованных композитов, нежели как продуктивный словообразовательный аффикс [7]. Это уточнение не отменяет установленной выше асимметрии, а лишь показывает её градуальный характер: полное отсутствие префиксации в узбекском языке верно для глагольной системы и для исконной именной лексики, тогда как в пласте заимствованной лексики обнаруживаются реликтовые, непродуктивные префиксоиды. С другой стороны, узбекскому языку присущ словообразовательный механизм, не имеющий морфологического соответствия в русском, – парное повторение основы (juft so'z) с ослаблением или усилением исходного значения: katta-katta («очень большие», от katta «большой»), yaxshi-yaxshi («весьма хорошие»). В русском языке подобное удвоение носит не словообразовательный, а синтаксико-стилистический характер (большой-большой) и не закреплено как самостоятельный, грамматически регулярный способ образования новых лексических единиц, что также представляет собой зону структурной несимметрии двух систем.

Иначе распределяются сходства и различия в сфере суффиксального словообразования имён. Оба языка обладают развитой и продуктивной суффиксацией, однако характер соотношения формы и значения аффиксов в них различен. Русские отымённые суффиксы нередко полисемичны: формант -ник образует существительные с агентивным значением (охотник, работник), со значением вместилища (чайник), со значением предмета, характеризующегося отношением к производящей основе (путник, ученик), так что конкретное значение производного слова устанавливается только в контексте словообразовательного гнезда и синтагматических связей. Узбекский агентивный суффикс -chi, напротив, характеризуется высокой семантической регулярностью: практически во всех случаях он присоединяется к имени, называющему предмет или сферу деятельности, и образует существительное со значением лица, связанного с этим предметом профессионально: *baliqchi* («рыбак», от *baliq* «рыба»), *gulchi* («цветовод, продавец цветов», от *gul* «цветок»), *temirchi* («кузнец», от *temir* «железо»). Подобная регулярность отражает общую агглютинативную тенденцию к моносемичности форманта: один аффикс закреплён за одним словообразовательным значением независимо от семантического класса производящей основы. Аналогичная асимметрия – полисемия в русском словообразовании против монофункциональности в узбекском – прослеживается и при сопоставлении других продуктивных агентивных формантов (-щик, -тель) с их узбекскими соответствиями, что делает подбор однозначного переводного эквивалента отдельной методической задачей.

Существенные расхождения обнаруживаются и в способах сложения. В русском языке сложные слова, как правило, образуются с помощью соединительных морфем (интерфиксов) -o-/-e-, связывающих основы в единое фонетическое и графическое целое: паролод, лесостепь, языковед. В узбекском языке сложные слова (*qo'shma so'zlar*) образуются простым соположением двух самостоятельных основ без каких-либо связующих морфем: *temir yo'l* («железная дорога», буквально «железная дорога»), *bosh og'riq* («головная боль», буквально «голова-боль»), *qo'lqor* («перчатка», буквально «рука-мешок»). Существенно, что значительная часть подобных узбекских композитов не имеет однословного соответствия в виде русского сложного слова: им, как правило, соответствует либо словосочетание, либо однословный суффиксальный дериват с иной внутренней формой. Это несовпадение носит не только структурный, но и когнитивно-номинативный характер: два языка по-разному членят один и тот же фрагмент действительности на составляющие для целей номинации, что должно учитываться при переводе и лексикографическом описании.

Отдельного рассмотрения заслуживает морфологическая категория каузатива, чрезвычайно продуктивная в узбекском глагольном словообразовании

и практически не имеющая структурного соответствия в русском языке. С помощью специализированных аффиксов -тир/-дир/-т/-ттир (и ряда их фонетических вариантов, обусловленных сингармонизмом и характером основы) от любого переходного или непереходного глагола может быть образован каузативный дериват, причём каузативность допускает многократное морфологическое наращение: uoz- («писать») → uozdir- («заставить написать») → uozdirtir- («заставить [кого-то] заставить [кого-то] написать»). Русский язык не располагает морфологическим механизмом подобной регулярности: каузативные значения передаются аналитически, посредством конструкций «заставить / велеть / поручить + инфинитив», либо лексически, через специальные каузативные глаголы (класть – положить). Отсутствие морфологического коррелята узбекского каузатива в русской словообразовательной системе представляет собой ещё одну зону системной асимметрии, значимую как для теории языковых контактов, так и для практики перевода агглютинативных каузативных конструкций.

Наряду с отмеченными расхождениями сопоставительный анализ выявляет и участки достаточно полного функционально-семантического соответствия. Таково соотношение русского продуктивного суффикса отымённых и отадекативных абстрактных существительных -ость (смелость, гордость, честность) и узбекского форманта -lik, обладающего сходной словообразовательной семантикой и столь же широкой сочетаемостью с именными и адъективными основами: mard – mardlik («смелость»), or – orlik («честь, чувство собственного достоинства»). Оба форманта регулярно образуют абстрактные имена качества от прилагательных, обозначающих свойства характера, что позволяет говорить о частичном структурно-семантическом изоморфизме этого участка словообразовательных систем. Подобные случаи немногочисленны на общем фоне выявленных различий, однако именно они образуют ту область, где сопоставительный анализ может быть непосредственно использован в опоре на родной язык обучаемых, поскольку здесь перенос словообразовательной модели родного языка на изучаемый не порождает интерференции, а, напротив, облегчает понимание производного слова.

Изложенные результаты сопоставления имеют прямое лингводидактическое значение. В исследовании А.А. Исаковой, посвящённом методике обучения русской деривации студентов-филологов узбекских групп, установлено, что типичные ошибки учащихся делятся на три группы – лексико-семантические, морфемно-структурные и собственно словообразовательные – и что их распределение системно коррелирует с выявленными типологическими расхождениями: наибольшие затруднения вызывают именно те явления русского словообразования, которым не находится аналога в узбекской системе, в первую

очередь приставочная деривация глаголов и полисемия суффиксов [5]. Отсюда вытекает методический принцип дифференцированного подхода: там, где сопоставление обнаруживает структурное сходство, как в случае -ость / -lik, обучение целесообразно строить с опорой на родной язык, эксплицитно проводя параллель между производными словами двух языков; там же, где сходство отсутствует – в приставочном словообразовании, в каузативных моделях, – опора на узбекский материал не только бесполезна, но и потенциально вредна, поскольку провоцирует ложные аналогии и отрицательный перенос. Отбор лингвистического минимума для преподавания русского словообразования узбекоязычной аудитории должен, соответственно, учитывать не только частотность и продуктивность словообразовательных типов, но и их типологическую маркированность относительно системы родного языка учащихся – критерий, эксплицитно введённый в методических работах по обучению русскому языку как неродному [5, 6].

Таким образом, сопоставительно-типологический анализ словообразования русского и узбекского языков демонстрирует, что различие морфологического строя – флективно-синтетического и агглютинативного – системно определяет характер расхождений на всех участках словообразовательной подсистемы: в способе присоединения форманта к основе, в степени продуктивности префиксации, в соотношении полисемии и моносемии аффиксов, в структуре сложных слов и в наличии либо отсутствии морфологической категории каузатива. Установленные асимметрии не носят случайного характера: каждая из них выводима из общего типологического параметра агглютинации либо флексии и объясняет конкретные трудности, фиксируемые в практике преподавания русского языка узбекоязычным учащимся. Вместе с тем обнаруженные участки частичного изоморфизма, в частности соответствие -ость / -lik, показывают, что сопоставительный анализ должен быть избирательным инструментом лингводидактики: его результаты обосновывают не универсальную опору на родной язык, а дифференцированную методическую стратегию, при которой перенос из узбекского языка используется только там, где он подтверждён структурным сходством словообразовательных систем.

Литература:

1. Азизов А.А. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков: Морфология: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ташкент: Укитувчи, 1983. – 239 с.
2. Ахунзянов Э.М. Контрастивная лингвистика: морфология русского и тюркских языков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 152 с.

3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1973. – 303 с.
5. Исакова А.А. Методика обучения деривации студентов-филологов национальных групп в курсе «Современный русский литературный язык»: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Ташкент, 1984. – 258 с.
6. Киссен И.А. Курс сопоставительной грамматики русского и узбекского языков. – Ташкент: Укитувчи, 1970. – 183 с.
7. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
8. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1933. – 182 с.
9. Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1975. – 238 с.
10. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 111 с